

Великая русская актриса

За свою жизнь мне довелось видеть многих великих актрис и актеров, русских и иностранных, со многими из них приходилось играть, но нет для меня имени в русском и мировом театре, которое я могла бы поставить рядом с именем Марии Николаевны Ермоловой.

Ермолова — символ всего свободолюбивого, героического, что было в русском театре. Ее благородный гений освещал дорогу нашему театральному искусству во времена жестокой реакции. Не удивительно, что Ермолова была любимой актрисой демократической части русского общества.

После Великой Октябрьской социалистической революции Ермолова отдала свое большое правдивое искусство широкому народным массам. И Советское правительство высоко оценило заслуги великой актрисы. В 1920 году, в связи с 50-летием ее творческой деятельности, Ермоловой, по инициативе В. И. Ленина, было присвоено почетное звание народной артистки республики.

Уже в своей первой роли, в 1870 году, в трагедии Лессинга «Эмилия Галотти», Ермолова подняла знамя борьбы с гнетом и тиранией, прославляла человеческое достоинство, силу духа свободного человека.

В самом начале артистической деятельности совсем еще юная Ермолова записывала в своем дневнике, что ее цель — приносить пользу, звать к другой жизни.

И она звала! Это понимали не только мы, ее товарищи, не только студенческая молодежь и наиболее прогрессивная часть зрителей, но и... полиция. «Овечий источник» был снят, так как призыв Ермоловой — Лауренсии к отпущению, к свободе воодушевлял не только артистов, изображавших жителей испанского селения Фуэнте Овехуна, но, и это главное, демократического зрителя. На втором представлении театр был оцеплен полицией, переодетые шпикеры наводнили зрительный зал. Представление «Овечьего источника» выросло в общественно-политическое событие. Не мудрено, что полиция поспешила вовсе запретить этот спектакль.

Настоящим чудом было исполнение М. Н. Ермоловой роли Иоанны д'Арк в трагедии Шиллера «Орлеанская дева».

Мне кажется, я и сейчас еще слышу звуки ее голоса, низкие, грудные, отзывающиеся в самом сердце. Стоило услышать первые слова, произнесенные Ермоловой, и по спине словно пробежал электрический ток, горло сжималось.

Для Ермоловой образ героини французского народа был средством выразить собственные чаяния, свои мечты о свободе, о лучшем будущем родины. Ермолова всегда наполняла свои образы живым, современным содержанием и непременно русским. Поэтому в роли Иоанны ее голос звучал, как набат, ее слова призывали к борьбе, вселяли в людей бодрость и энергию.

Знаменитый монолог Иоанны в башне вырывался, как поток лавы. Это был настоящий экстаз. Стены театра словно раздвигались. Всех охватывало волнение, сердца замирали, у кого лились слезы, у кого вырывался глубокий вздох...

Ермолова была актрисой, полно, самоабвенно перевоплощавшейся в образ. Все силы души, необыкновенного сердца она вкладывала в свои творения. Какого напряжения нервов, какой страсти требовали ее роли! Ермолова отгадала им себя всю, без остатка. Одно время получила распространение версия о том, что Ермолова на сцене оставалась сама собою, не создавала характеров. Такие авторитеты,

как Южин, выступали против этой попытки принизить значение Ермоловой. Мне хочется только сказать: достаточно вспомнить глаза Ермоловой, в каждой роли иные, чтобы понять всю полноту перевоплощения ее в образ.

Ермолова была я в этом подлинно русской актрисой. Ибо не к гриму, не к приемам внешней характеристики прибегали лучшие русские артисты: полное **внутреннее** слияние с ролью, проникновение в самые тайники сознания человека, чей образ ты играешь, — вот что отличает русскую школу актерского искусства. К. С. Станиславский, создавая свою реалистическую программу, всегда обращался к Ермоловой, как к лучшему, наиболее высокому примеру жизненной правды в искусстве. Он говорил, что Мария Николаевна создавала «в каждой роли... особенный духовный образ». Предельная простота и правдивость нарисованных актрисой образов основывались на вдумчивом, глубоком изучении жизни. Можно ли после этого считать случайностью, что сыгранные Ермоловой в пьесах Островского роли простых русских женщин — Катерины, Ларисы, Юлии Тугиной, Негинной — потрясали зрителя своей трагической силой. Актриса безмерно сочувствовала своим героиням, вчувствовала глубочайшую веру в чистоту, благородство и в то же время мужество русских женщин: своим исполнением она будила в зрителе мысль о несправедливости эксплуататорского строя, который губит такие прекрасные души. Игра Ермоловой часто заставляла зрителей забывать, что они находятся в театре.

Ермолова была «поэтом свободы на русской сцене». Она впитала в себя традиции Шекспира и Мочалова, умевших необыкновенно глубоко и с потрясающей силой передавать движения человеческой души, и эти великие реалистические традиции мастеров русской сцены Ермолова зазвучала не только московскому Малому, но и всему советскому театру.

Наш долг — развивать и укреплять эти плодотворные традиции. Но мы в большом долгу перед памятью Ермоловой. И дело не только в том, что наши писатели не всегда дают актерам материал для выявления движений души героя, его мыслей, его борьбы за лучшее будущее, что многие драматурги забыли, к какому масштабу изображения современного героя звал Горький (современный герой «...непримирим и мятежен гораздо больше, чем все Дон-Кихоты и Фаусты прошлого»). Дело в том, что большую жизненную правду мы стали разменивать на внешнюю похожесть, стали увлекаться бытовым правдоподобием. Вместо напряженных, дающих огромный трудом поисков сущности образа зачастую актер ограничивается трафаретным изображением тех или иных «должностных» признаков.

А путь Ермоловой другой! Это путь громадного, неустанный труда, мучительных поисков и раздумий, беззаветного служения искусству. Это путь благородного, возвышенного творчества.

На сцене не может быть места сестры, посредственности. Исполнение актера должно быть одухотворенным, темпераментным, проникнуто пафосом нового. И тогда можно будет сказать, что мы достойны памяти первой русской народной артистки, столетие со дня рождения которой отмечается сегодня.

А. ЯБЛОЧКИНА,
народная артистка СССР

Литературная Газета
г. Москва

16 июл 1953